

и которым не верят. Скажите, для чего нужно было придумывать звание почетного академика»²⁰⁵. В начале 1900 г. ОРЯС умножило свой состав несколькими заслуженными представителями русской филологии, славяноведения и истории искусства: новые вакансии заняли В. И. Ламанский, Ф. Е. Корш и Н. П. Кондаков²⁰⁶.

Развивая постановление о почетных академиках, отделение сначала установило число их в 12. Первые выборы состоялись 8 января 1900 г., когда были избраны К. Р., Л. Н. Толстой, А. П. Чехов²⁰⁷, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, А. А. Потехин, А. М. Жемчужников, гр. А. А. Голенищев-Кутузов, философ В. С. Соловьев (умер в 1900 г.). Следующие выборы прошли 1 декабря 1900 г., и в члены разряда были избраны публицист и критик К. К. Арсеньев, писатель Н. Д. Боборыкин, критик-искусствовед В. В. Стасов, этнограф С. В. Максимов (умер в 1901 г.).

В год пушкинского юбилея началось обсуждение проекта создания специального учреждения, посвященного изучению жизни и творчества Пушкина, и в 1905 г. возник Пушкинский дом, который первоначально занимал несколько комнат в главном здании Академии наук, между малым и большим конференц-залами (здесь застал Пушкинский дом А. Блок, посвятивший в 1921 г. ему свое стихотворение-приветствие); Пушкинский дом несколько раз переезжал, пока наконец в 1927 г. не получил свое нынешнее помещение в здании Таможни на Тучковой набережной²⁰⁸.

Перемена вице-президентов

Неудивительно, что именно в Русском отделении Константин Константинович подбирал себе и товарищей по управлению Академией. Когда через несколько месяцев после его назначения в отставку попросился 85-летний вице-президент В. Я. Буныковский, президент не стал его удерживать и без

²⁰⁵ Письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 23.01.1900. Опубл.: *Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. М., 1980. Т. 9. С. 23–24.*

²⁰⁶ Кондаков вскоре после выборов написал Чехову о планах ОРЯС, и тот пересказал его письмо Суворину: «Отделение порешило пока не выбирать на три остающиеся кресла, и думает он, что он лично не дожидется, когда кончится это „пока“. И о выборе Кондакова официального извещения не было, очевидно, скрывают, чтобы не волновать гг. литераторов»: Письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 10.03.1900. // Там же. С. 71.

²⁰⁷ Чехов пророчески писал по поводу своего избрания: «Званию академика рад, потому что мне теперь завидует Сигма. Но еще более буду рад, когда утеряю это звание после какого-нибудь недоразумения. А недоразумение произойдет непременно, так как ученые академики очень боятся, что мы будем их шокировать. Толстого выбрали скрепя сердце. Он, по-тамошнему, нигилист»: Письмо А. П. Чехова М. О. Меньшикову от 28.01.1900. // Там же. С. 30–31.

²⁰⁸ Подробнее см.: *Баскаков В. Н. Пушкинский дом. Л., 1988.*

труда уговорил Грота занять эту должность²⁰⁹. После смерти Грота в 1893 г. Константин Константинович, не раздумывая, назначил вице-президентом Л. Н. Майкова. Авторитет президента в это время был высок, о чем можно судить, например, по отзыву Майкова, не свободному, впрочем, от лестьи: «Общий ход академических дел представляется мне совершенно необычным, почти невысказанным без того непосредственного теплого участия, которое Ваше Высочество умеете вносить в него. Смее думать, что Вам угодно будет поверить искренности моих слов. Со времени моего назначения я успел несколько присмотреться в Академии к делам и людям и убедился, что в академической жизни, особенно в личных отношениях, много односторонности, много задних мыслей и затаенных подходов. Одобряемый Вашим милостивым доверием, я понял вместе с тем, что моя постоянная обязанность — служить Вашему Высочеству источником надежных по возможности справок по разным академическим делам. Но что всего важнее — я увидел, как для прочного успеха этих дел драгоценна Ваша прекрасная способность глядеть на вещи с известной высоты и руководить ими в началах высокой справедливости и беспристрастия»²¹⁰.

В 1900 г., после смерти Майкова, Константин Константинович впервые встал перед проблемой выбора. Константин Константинович отдавал предпочтение бар. В. Р. Розену, но тот отказался и порекомендовал князю своего товарища по университету Никитина, на котором президент и остановил свой выбор²¹¹. 12 июля 1900 г. состоялось официальное назначение. Академическая жизнь была строго регламентирована. Последнее слово в решении всех более или менее важных вопросов принадлежало президенту. В случае отсутствия президента его замещал вице-президент, который письменно докладывал ему об академических делах и получал от него встречные распоряжения. Вице-президент вел переписку с Министерством народного просвещения и другими высшими инстанциями по вопросам академической жизни, разумеется, согласовывая каждый шаг с президентом. Благодаря этой практике сохранилась обширная служебная переписка Никитина с Константином Константиновичем, которая важна как для зна-

²⁰⁹ Константин Константинович записал в своем дневнике: «Была первая конференция. Я председательствовал. Явился и вице-президент В. Д. Буняковский, он от старости еле держится на ногах и опять просил меня об увольнении. Я сказал ему, что желательно дождаться возвращения Государя, чтобы решить этот вопрос. (Вернулся Я. К. Грот) Я уже смотрел на него как на будущего моего вице-президента»: ГАРФ Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 73. Запись 20. 08. 1889.

²¹⁰ РО ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 67. Л. 27–27об. Письмо Л. Н. Майкова Константину Константиновичу от 1.10.1894.

²¹¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 47. Л. 37. Запись 14.04.1900.

комства с течением академической жизни, так и для характеристики их взглядов и взаимоотношений.

В начале 1900-х гг. в очередной раз обсуждался вопрос о пересмотре Устава Академии наук. Никитин ех *officio* возглавил в 1902 г. соответствующую комиссию и убедил ее в том, что следует сохранить действующий Устав и впредь ограничиваться изменением его устаревших параграфов²¹². По мнению вице-президента, «чем более дорожит Академия сохранением его общего строя и основных черт, тем живее должно быть ее опасение, как бы они не пострадали при частных переделках»²¹³.

Под давлением доводов Никитина комиссия пришла к выводу о том, что «существующий устав, несмотря на частные свои несовершенства, в общем и главном дает достаточные определения прав и обязанностей первенствующего ученого сословия Российской империи»²¹⁴. В этом месте на полях доклада комиссии имеется карандашная помета Константина Константиновича: «Совершенно с этим согласен». Президент убедился в том, что не ошибся в выборе своего ближайшего помощника и оценил главное свойство его личности, которое Жебелев определил емким греческим понятием *софросюне* — здравомыслие²¹⁵.

Постепенно их отношения стали доверительными, и в письмах от официального обращения «Многоуважаемый Петр Васильевич» Константин Константинович перешел к дружескому: «Милый Петр Васильевич», Никитин всегда был почтителен без лести. В порыве откровенности (что вообще с ним случалось крайне редко) Никитин как-то признался Константину Константиновичу, что занятия какой-нибудь греческой рукописью были для него «милее всех дел и всего почета вице-президентства»²¹⁶. Константин Константинович за годы совместной работы с Никитиным привык уважать его искренность и деликатность, ценил за то, что в нем не было «вожделений власти и борьбы»²¹⁷.

²¹² Например, в 1908 г. было поддержано (принято было позже, см. ниже) предложение А. П. Карпинского уничтожить звание адъюнкта и экстраординарного академика, «эти устаревшие и нигде не существующие степени», тогда же были учреждены кафедры всеобщей истории и юридическим и политическим наукам. В 1911 г. Общее собрание рассмотрело возбужденный Никитиным вопрос о форме записок академиков об ученых заслугах кандидатов в члены-корреспонденты. Отныне стало обязательным представление такой записки и ее опубликование в приложении к протоколу. Подробнее об обсуждении Устава в это время см.: История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 457–458, 462.

²¹³ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 286. Л. 19.

²¹⁴ Там же. Л. 18.

²¹⁵ Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог). С. 43.

²¹⁶ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 45 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 12. 06. 1907. 26.

²¹⁷ Там же. Л. 46.

Константин Константинович неоднократно прибегал к помощи Никитина как ученого-классика, когда готовил свой перевод гетевской «Ифигении в Тавриде» и комментариев к нему. Его вопросы касались главным образом способов передачи греческих имен. Никитин предложил ему по возможности устранить из перевода свойственные Гете латинизмы, которые состояли в употреблении латинских имен вместо греческих, и вернуться к чистоте греческих форм. По мнению Никитина, замена греческих имен латинскими — такая же несообразность, какую допустил бы тот, кто, изображая быт русских православных крестьян, заставил бы их призывать в молитвах святого Франциска²¹⁸.

Константин Константинович придерживался в своей работе указаний Никитина и проявлял безукоризненно благородное отношение к его труду: помимо общих слов благодарности своему научному консультанту в послесловии к своей работе постоянно ссылался на авторитет Никитина в примечаниях²¹⁹.

Однажды Никитин попробовал выступить в роли литературного советника К. Р. В 1910 г. К. Р. сделал поэтический перевод новонайденной греческой эпиграммы и разрешил опубликовать его в статье М. И. Ростовцева и В. В. Шкорпила, посвященной этой находке²²⁰. Эпиграмма была написана на памятнике Гликарии²²¹ от имени страдающего от жажды путника, который проходил мимо, увидел возле памятника фонтан родниковой воды и, утолив жажду, выразил свои чувства в изящном четверостишии²²², которое в переводе К. Р. звучало так:

²¹⁸ Там же. Д. 33. Л. 78.

²¹⁹ К. Р. Перевод драмы Гете «Ифигения в Тавриде» // К. Р. Стихотворения. 1901–1910. СПб., 1911. С. 421, 423, 474.

²²⁰ Шкорпил В. В., Ростовцев М. И. Эпиграмма из Эль-Тегеня (с 3 снимками) // Известия Имп. Археологической комиссии. СПб., 1910. Вып. 37. С. 14–22.

²²¹ Памятник представлял собой «блок из белого мрамора, в форме четырехгранной усеченной пирамиды; в. 0,56, наиб. ш. 0,51, т. 0,53. Внизу с правой стороны — сквозное отверстие (диам. 0,06), через которое, по-видимому, проходила водопроводная труба. Отшлифована только одна сторона блока, на которой тщательно вырезана восьми строчная надпись». Надпись датируется второй половиной I в. до н. э.: Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965. С. 507–509. № 913.

²²² Дословный перевод этой надписи: «Гликария, супруга Асандра, у твоей пирамиды я с жадностью выпил воды, идущей из близкого источника, с вином, (дословно — с Бромием), и, утолив жажду, сказал следующее: и при жизни, и после смерти ты спасаешь нуждающихся»: Там же. С. 508. Латышев, предложив свое чтение последнего стиха, пришел к выводу, что автор эпиграммы, по его мнению, не констатирует факт, а выражает «пожелание, чтобы Гликария и при жизни, и после смерти спасала жаждущих водой своего источника»: Известия Имп. Археологической комиссии. СПб., 1910. Вып. 37. С. 64.

«Здесь, о Гликария, здесь, о супруга Асандра, испил я
Из родника твоего влаги студеной с вином;
Жажду свою утолив, я промолвил: при жизни и в смерти
Всею, кто беду потерпел, ты избавленья даришь»²²³.

Никитин предложил на суд К. Р. свой вариант перевода последних двух строк:

«Жажду свою утолив, я сказал: и живя, и по смерти
Всею, кто нуждается, ты благоденья творишь»²²⁴.

Перевод Никитина делал несколько яснее мысль подлинника, но грешил против поэтического благозвучия. Наверное, поэтому К. Р. не воспользовался им и оставил свой перевод в первоизданном виде. Никитин называл его «человеком очень развитого вкуса»²²⁵, а, получив от автора, находившегося в Египте, стихотворение на смерть Голенищева-Кутузова на немецком языке, «не мог не подивиться тому искусству», с каким ему «удалось в немецких стихах сказать так много, так ясно и так изящно»²²⁶.

Никитин сам никогда в Египте не был, как не был он, по-видимому, ни в Греции, ни в Италии. Никитин два года учился в Лейпциге, в 1897 г. ездил в Висбаден лечиться и в 1903 г. отдыхать. После того как его дочь уехала с мужем в Константинополь, Никитин в 1901, 1904–1906 гг. ездил в Константинополь навестить дочь и внука. Привычным местом летнего отдыха его семьи были окрестности Нарвы. Константин Константинович, напротив, путешествовал много, в молодости он совершил кругосветное плавание, навещал родственников жены в Германии и свою любимую сестру Ольгу, которая вышла замуж за греческого короля Георга и стала королевой эллинов; много разъезжал по стране по делам службы и поэтому часто отсутствовал в Академии.

²²³ Подстрочный перевод для К. Р. сделал М. И. Ростовцев. Получив эпиграмму К. Р., он назвал ее более *Nachrichtung* (передачей основной мысли), чем переводом. «Очень лестно его замечание, — пишет К. Р., — что мой перевод уподобляется Пушкину, который, переводя, всегда создавал самостоятельное поэтическое произведение»: ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 62. Л. 12 об. Запись 25.01.1910. Константин Константинович опубликовал свой перевод вместе с греческим текстом: Стихотворения К. Р. 1879–1912. Пг., 1915. Т. 2. С. 28–29. Подробнее см.: Зув В. Ю. М. И. Ростовцев и великий князь Константин Константинович // Скифский роман / Под общей ред. акад. РАН Г. М. Бонград-Левина. М., 1997. С. 233–247.

²²⁴ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 19. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 15. 04. 1910.

²²⁵ Там же. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 24. Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 22.05.1903.

²²⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 12 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 8.03.1913.

Никитин и Константин Константинович общались не только в Академии, но и в Русском археологическом обществе, где великий князь был председателем, а Никитин возглавлял классическое отделение. Им обоим пришлось испытать отцовское горе: в марте 1912 г. умер единственный сын Никитина Петр Петрович; в сентябре 1914 г. погиб любимый сын Константина Константиновича Олег. Константин Константинович не пережил его смерти и скончался 2 июня 1915 г. Никитин прочел памятную речь о Константине Константиновиче в Русском археологическом обществе²²⁷.

²²⁷ Речь публикуется в Приложении 1.